

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
Кафедра отраслевой и прикладной социологии

Т. А. МАРЧЕНКО

**ПРОБЛЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ
В СОЦИОЛОГИИ**
*Учебное пособие
по курсу
«Социология потребностей»*

ПРОФ
пресс

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2015

УДК 316
М 30

Рецензенты:

А. В. БОГУЧАРСКИЙ, доктор социологических наук, профессор,

В. Н. БЕЛОГОРЦЕВ, доктор философских наук, профессор

М 30 Марченко Т.А. Проблема потребностей в социологии. Учебное пособие по курсу «Социология потребностей». Ростов н/Д: Профпресс, 2014. — 40 с.

ISBN 978-5-905468-44-5

УДК 316

© Марченко Татьяна Александровна, 2015
© Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения,
кафедра отраслевой и прикладной социологии, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Загадочный, полифоничный мир потребностей, то разъединяющий людей, то объединяющий их крепчайшими узами братьев по духу, — объект пристального внимания как каждого человека в его повседневной жизни, так и ученых, исследующих актуальные проблемы социальной жизни.

Все реже на страницах монографических исследований появляются разработки, касающиеся профессионального, духовного потенциала населения России, а вопросы самореализации, как правило, связаны с достижениями, статусом, популярностью, материальным благополучием. Статусный, богатый, популярный — значит самореализованный? А вне статуса, богатства, популярности найдем ли мы критерии самореализации, присущие массовому сознанию современного российского общества?

И еще — какова специфика и возможности самореализации для людей, «разбросанных» по различным слоям и группам такого неоднородного в материальном и духовном отношениях российского социокультурного пространства?

Иными словами, объективные и субъективные детерминанты и возможности самореализации, будучи дифференцированными для различных людей, оказываются напрямую связанными с их духовным потенциалом. Отметим, что понятие «духовный потенциал» употребляется достаточно часто, однако, как правило, без раскрытия содержания этого понятия.

Вместе с тем, не требует особых доказательств мысль, что каждый человек уже в юности испытывает потребность реализовать себя, именно с самореализацией связывается у людей понимание жизненного успеха. А это значит, что интегральной человеческой потребностью является потребность в самореализации. Казалось бы — самоочевидная банальность. Однако эта мысль перестает быть банальностью, как только модифицируется в вопрос: что и как желают или мечтают реализовывать в своей жизни различные люди, как понимают наши современ-

ники возможности развития собственной личности? И каковы они, эти возможности для удовлетворения потребности всех и каждого в наиболее полном саморазвитии представителей отдельных групп населения России? И как соотносятся такие ветви развития как прогресс и регресс в динамике ценностно-потребностной сферы людей в контексте современной социокультурной среды?

Цели российского развития, несомненно, значительные: создание для всех слоев населения условий для жизни, достойной в духовном и материальном отношениях, обеспечение соблюдения прав и свобод человека, утверждение демократического, федеративного, правового и социального государства, развитие местного самоуправления и т. д.

Однако, в массовом сознании россиян (что подтверждается многочисленными мониторингами общественного мнения) бытует представление о реальных средствах достижения этих целей как весьма проблематичных. Российские СМИ, например, формируя правовое сознание населения, дают рекомендации по защите человеком своих прав. Такая защита, естественно, осуществляется через судебную-исполнительную власть. И для многих потребителей СМИ (а ими является практически все население страны), реализация таких рекомендаций представляется перманентным процессом тяжбы с магазинами (просроченные продукты, например, и пр), с ЖКХ, налоговой службой, страховыми кампаниями, медицинскими центрами и прочими институциональными организациями, с которыми постоянно контактирует человек в своей жизни (контроль населения за деятельностью институциональных организаций или их хроническая дисфункция?). Названные здесь моменты — далеко не полный перечень возможных повседневных ситуаций, способных формировать ценностно-потребностную сферу человека.

В настоящее время развивающаяся российская демократия предоставила обществоведам возможность неангажированного анализа общественной жизни страны, ценностных ориентаций людей, их потребностей и интересов. Потребности, как известно, являются мощным мотиватором, побудительной силой для весьма широкого спектра социальных взаимодействий — от социальной активности до пассивной позиции, и даже — антисоциальных действий. Исследование потребностей как детерминанты поступков и действий людей и исследование социальной активности содержательно во многом совпадают с вопросами самореализации, раскрытием потенциала населения. Что это за

потенциал, по каким критериям можно ставить «плюс» или «минус» при оценке потенциала?

Но именно знание о потребностях людей, живущих в современной социально-экономической ситуации, есть опосредованное, а подчас и прямое знание их духовного потенциала, что в свою очередь находится в отношении соответствия с особенностями образа жизни людей. Потребности — это своеобразное «зеркало» социальной активности масс, слоев, индивидов, «зеркало», в котором хорошо видна разнонаправленность социальных ориентаций как самих субъектов, так и их действий. Вместе с тем нельзя не заметить, что исследование поведения в русле исследования потребностей почти не встречается.

Подходы к исследованию различных качественных состояний людей со стороны возникновения и развития их потребностей, понимаемых как целостный социальный процесс, рассмотрение некоторых аспектов детерминации потребностей и их осознания людьми, выявление факторов, способствующих и препятствующих процессу возвышения потребностей в современных условиях, — вот круг актуальных проблем рассматриваемой специальной социологической теории — социологии потребностей.

Данное пособие не охватывает обозначенного выше широкого круга проблем, оно ограничивается рассмотрением природы и генезиса потребностей как социального явления.

РАЗДЕЛ I

К вопросу о природе потребностей: потребность как противоречие

Исследование потребностей в современном общественном сознании основывается на общепризнанном положении относительно их детерминирующего влияния на человеческое поведение. Однако детерминация самих потребностей, равно как и вопросы, связанные с пониманием их природы, остаются недостаточно разработанными.

Большинство исследователей исходят из положения об объективной детерминации потребностей, но по-разному трактуют их природу. В научной литературе потребности предстают то как явления сознания, подчиняющиеся в своем развитии закономерностям развития духовных образований жизни людей, то как явления, существующие независимо от сознания, подчиняющиеся закономерностям развития материальных явлений действительности, то как объективно-субъективное явление, которое рассматривается различными исследователями с акцентами то на сфере сознания, то на сфере предметов и явлений действительности, с которыми взаимодействует субъект.

Н. М. Бережной замечает, что изучение научной литературы по проблеме потребностей приводит к мысли, что потребности рассматриваются как бы вне общества, в котором человек живет.¹ Автор, полагает, что создание образа целостного человека с его потребностями «под силу только философии, преодолевающей односторонность конкретных наук и синтезирующей их знания на наиболее абстрактном уровне: человек и мир».² Однако сам не предлагает четкой дефиниции потребностей, но дифференцирует их на человеческие, античеловеческие и нечеловеческие. Такая типология представляет несомненный интерес с позиций морально-этической оценки потребностей, однако не способствуют созданию, говоря словами Н. М. Береж-

¹ См.: Бережной Н. М. Человек и его потребности / Под ред. В. Д. Диденко. М.: Московский государственный университет сервиса. 2000. С. 7.

² См.: Там же.

ного — образа целостного человека. Создание «образа «целостного человека» — вряд ли возможно, но приблизить к решению этой задачи может реализация системного подхода.

Системный подход в научной литературе достаточно часто упоминается в качестве методологии исследования различных аспектов социальной жизни человека, в том числе — потребностей и ценностей. Отметим, что системный подход в исследовании потребностей нельзя назвать достаточно разработанным. В нашей литературе все еще господствует «метод перечисления» потребностей, когда фиксируется частота актов выбора многообразных предметов потребления. Тогда, соответственно, наиболее выбираемые потребности и ценности обозначаются как «базовые и устойчивые», а менее популярные — как периферийные и менее значимые. Далее обычно составляются «системы ценностей» респондентов, что на самом деле, если и представляет собой систему, то суммативную, где вопрос о «тайне» возникновения новых, интегральных свойств ценностной системы, свойств, конституируемых взаимодействием элементов системы, — остается открытым. Именно интегральные свойства, возникающие при взаимодействии элементов системы являются системными свойствами

Что же касается социологического изучения потребностей, то можно констатировать преобладание эмпирического исследования потребностей и явный дефицит их теоретического осмысления.

Поэтому при изучении проблемы потребностей представляется важным проанализировать причины существенных содержательных расхождений в понимании природы потребностей, присущих как отдельным дисциплинам, занимающимся их изучением, так и междисциплинарным подходам к проблеме, вычленив социологический ракурс исследования потребностей как социального явления.

Предпринятый ниже краткий анализ существующих в нашей научной литературе взглядов на природу потребностей не является самоцелью или «традицией», когда показывается иерархия точек зрения с последующим обоснованием собственной. Нами сделана попытка выделить те стороны понимания, которые отражают, «схватывают» сущностные проявления этого сложного феномена.

В современной научной литературе существует три основные разновидности понимания природы потребностей. Одни исследователи считают природу потребностей субъективной;

другие — двойственной, соединяющей в себе объективное и субъективное; третьи относят потребности к объективным явлениям, развивающимся в целом независимо от воли и желания людей.

Интенсивно разрабатывалось учение о потребностях психологической наукой. Влияние потребностей на структуру личности, направленность ее внимания, поведение изучались в советское время многими известными учеными.¹ Психологи исследуют потребности, как правило, в рамках субъективного пространства человека, как детерминированные извне «внутренние избирательные отношения личности»⁹, объективирующиеся «в виде социального по характеру отношения к предметам». ² В психологии обосновано положение о том, что потребность как внутреннее избирательное отношение к предметам и явлениям действительности вызвана объективной нуждой в обеспечении состояний, необходимых для воспроизводства и развития организма. Ставились проблемы, которые до сих пор являются недостаточно разработанными. Так, например, П. А. Гордон ещё в 1936 году определял потребность как нужду «в том, что необходимо человеку (или кажется ему таковым) как для непосредственного поддержания своего существования, так и для всестороннего развития». ³ Мысли П. А. Гордона о том, что человек не всегда правильно может определить предмет своей потребности, на наш взгляд, как бы «выносит» потребность за рамки субъективного пространства и подразумевает проблему истинного или ложного их осознания.

В какой мере знания, добытые психологией, могут «работать» на социологическом уровне исследования? Ведь отдельные области общественнознания изучают потребности не со стороны и не в качестве их специфической сущности, а в качестве

¹ См.: Гордон А. П. Потребности и интересы // Советская педагогика, 1936, №8–9; Алхазшвили А. А. Специфика человеческих потребностей и функциональная тенденция организма // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1981; Чхатишвили Ш. Н. Роль и место социогенных потребностей в учебно-воспитательной деятельности // Некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потребностей. Тбилиси, 1984; Кузьмин Е. С. Проблема потребностей в свете работ классиков марксизма-ленинизма // Ученые записки ЛГУ, 1959. Вып. 16. №265. Психология; и др.

² Алхазшвили А. А. Специфика человеческих потребностей и функциональная тенденция организма. Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1981. С. 8–9.

³ Гордон А. П. Потребности и интересы // Советская педагогика. 1936. №8–9. С. 129.

соответственного объекта исследования — экономического, философского, этического, социально-психологического, психологического, эстетического и т. д. Причем некоторые подходы реализуясь в рамках своей предметности, оставляют вне сферы внимания вопросы о природе, сущности потребностей, которые не меняют свою природу в зависимости от специализации исследователя.

Вместе с тем, следует отметить, что психология, например, дала обществу по крайней мере две устоявшиеся, общепризнанные в науке истины.

Во-первых, потребность есть особое состояние (физиологическое, психологическое) организма, обусловленное необходимостью и особенностями его развития и воспроизводства. Иными словами, здесь фиксируется важный момент для понимания природы потребностей — потребность вызывается к жизни объективным процессом развития субъекта, она предстает как субъектная (а не только субъективная!) реальность, принадлежащая к области объективных явлений действительности.

Во-вторых, психология неопровержимо доказывает, что эти состояния, преломляясь во «внутреннее избирательное отношение личности» к окружающему миру, становятся прерогативой сознания.

Но психологией также обосновано, что и причины возникновения, и особенности развития различных состояний человека, его психических процессов «оказываются лежащими вне организма... Для понимания их особенностей надо включить в рассмотрение все многообразие социальных связей, что пока представляет непреодолимую трудность».¹

Частично эта трудность преодолевается на уровне философско-социологического исследования, в центре внимания которого раскрытие роли категории «потребность» в системе знаний о человеке и обществе. Философско-социологическое изучение потребностей предполагает рассмотрение их в качестве детерминанты человеческого поведения. Становится необходимым анализ роли в формировании и реализации закономерностей общественной жизни, конституировании систем ценностей, убеждений, мировоззрения людей, и др. Актуальным остается вопрос о том, как различные уровни жизни влияют на формирование ценностно-потребностной сферы человека. Такие исследования требуют, с одной стороны, уче-

¹ Грановская Р. М. Элементы практической психологии. Л., 1988. С. 11.

та достижений психологии в исследовании потребностей, а с другой — выводит их познание за рамки психологической науки.

В отечественной философско-социологической литературе второй половины XX века развивался взгляд на потребности как объективное социальное явление, являющееся источником развития субъекта и окружающей его действительности. Интересную попытку охарактеризовать сущность потребности реализует М. В. Демин. Его понимание потребностей, базируется на данных психологической науки и выявляет универсальность потребностного проявления. Он пишет: «Потребности как свойство живых существ проявляют себя в качестве универсального отношения: вовне — как нуждаемость в предметах окружающей среды, внутри — как нуждаемость в известном функционировании». ¹ Далее, раскрывая эту мысль, автор утверждает, что «прежде всего необходимо указать на объективное содержание потребностей. Люди... имеют потребности, которые носят объективный характер, т. е. существуют в реальной действительности и не зависят от сознания и воли человека». ² Заметим, что «объективное содержание» и «объективный характер» потребностей употребляются автором как синонимичные понятия. Аналогичное понимание встречается также у авторов работы «Формирование разумных потребностей личности». Они обосновывают, что «природа всякой потребности коренится в обнаружении объективной, необходимой связи организма со средой» ³ и что «потребности представляют собой объективную необходимость соблюдения нормальной жизнедеятельности человека в окружающей его среде человека с человеком, обществом, природой, нарушение которых создает невозможность полноценного жизнепроявления». ⁴

Близко к приведенным здесь и положение о том, что, «характеризуя объективные связи между личностью и средой, условиями ее существования, потребности побуждают человеческую активность, вызывают определенные действия». ⁵

¹ Демин М. В. Потребности как проблема философии // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1984. №2. С. 3.

² Там же. С. 5.

³ Донченко Е. А., Сохань Л. В., Тихонович В. А. Формирование разумных потребностей личности. Диалектика формирования. Киев, 1984. С. 23.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Мялкин А. В. Способности и потребности личности. Диалектика формирования. М., 1983. С. 190.

Несмотря на то, что понимание потребности как отношения субъекта к действительности, среде, окружающему миру довольно широко, на наш взгляд, оно отражает специфику потребности как целостного отношения человека к реальной действительности.

Здесь необходимо поставить два вопроса, определяющих поиск недостающих звеньев в понимании потребностей как отношения социального субъекта к действительности.

Первый вопрос — какого рода это отношение? Ведь отношения между сторонами могут быть различные: взаимодействия, иерархии, равенства или неравенства по какому-либо признаку, ценностные отношения, познавательные и т. д. Второй вопрос примыкает к первому. Все исследователи, занимающиеся проблемой потребностей, единодушны в том, что потребность является источником развития социальных субъектов, источником различных форм их активности. Как отражено во многих работах — это определяющее качество потребностей. Являясь источником «различных форм активности», противоречие предстает как источник развития.

В этом плане интересны подходы к потребностям, содержащие их определение через особый вид отношения — противоречие. А противоречие, как известно — источник всякого развития, и этого пока никто не опроверг. Поэтому чрезвычайно интересным является положение Н. Н. Михайлова о том, что потребность — «это состояние противоречия между имеющимся и желаемым, в частности, между реально наличествующим и необходимым. Осознается это противоречие или нет — сущность его остается той же».¹ Правда, автор не поясняет, почему противоречие выступает как состояние, в то время как для понимания противоречия «в качестве общего следует указать определение его как отношения»², причем как динамические отношения между сторонами, противоположностями, реализующееся через взаимодействие, взаимовлияние, взаимную детерминацию противоположностей.³ Поэтому, если мы говорим о противоречии (или о потребности как противоречии) необходимо выявление сторон этого явления. Ведь вне рассмотрения сторон противоречия, динамики их взаимодействия характеристика и познание противоречия может пред-

¹ Михайлов Н. Н. Социализм и разумные потребности личности. М., 1982. С. 27.

² Вяккерев Ф. Ф. Предметное отношение и его теоретический «образ» // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 197.

³ Там же. С. 197.

стать, как пишет Б. М. Кедров, в виде «смутного, расплывчатого («диффузного») восприятия чего-то противоречивого без умения и возможности провести его строгое исследование».

¹ Противоречие же, к примеру, «между имеющимся (реальным количеством воды в организме) и необходимым (нужным количеством воды для норм жизни организма)». ² невозможно даже представить, не говоря уже об изучении специфики взаимодействующих сторон. Думается, что и использовать понятия «желаемое» и «необходимое» как тождественные вряд ли правильно. Видимо, поэтому дальше в книге понимание потребности как противоречия выделяемых автором сторон не работает.

Более строго определяет потребности Айзикович А. С. Он пишет, что потребность выступает как форма проявления, разрешения и воспроизведения (у общественного человека на расширенной, более развитой основе) противоречия между ее носителями — биологическим или социальным — и условиями его существования, функционирования и развития». ³

Еще конкретнее с этой точки зрения определяются потребности А. Г. Здравомысловым — как явление, присущее человеку, связанное с обнаружением противоречий между внешними условиями бытия и внутренними структурными компонентами субъекта. «Всякая потребность, — пишет он, — представляет особое обнаружение некоторых необходимых противоречий, которые разрешаются благодаря действиям и деятельности субъекта. Противоречие представляет собой основание потребности; стимул, побуждение к действию, стремление, состояние неудовлетворенности — его внешнюю форму». ⁴ Он отмечает также, что «анализ потребностей предполагает, с одной стороны, углубление в противоречивую сущность социального целого, выступающего в качестве носителя потребности, будь то общество как система, социальная группа, социальный институт, личность, а с другой — выявление многообразных стимулов, как бы надстраивающихся над потребностями, связанными со структурой субъекта». ⁵

¹ Кедров Б. М. Противоречивость познания и познание противоречия. М., 1979. С. 179.

² Михайлов Н. Н. Социализм и разумные потребности личности. С. 32.

³ Айзикович А. С. Потребности и интересы // Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981. С. 143.

⁴ Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 24.

⁵ Там же. С. 7.

Такой срез исследования очень важен, так как позволяет автору решить поставленные им в цитируемой работе сложные познавательные задачи. «Особенность данной книги состоит в том, что здесь предпринимается попытка проследить глубокую взаимосвязь потребностей, интересов и ценностей».¹

Очевидно, что помимо субъекта и его сознания существует другая сторона потребностного противоречия (внешние условия бытия субъекта), определение специфики которой и особенностей взаимодействия с субъектом представляется для анализа потребностей необходимым.

Исследователи, трактующие потребности как объективное явление, справедливо отмечают, что стремление подчеркнуть зависимость потребности от субъекта исходит «из опасения, как бы их не стали толковать в качестве материального явления, существующего и изменяющегося по объективным законам социальной системы. Но такие опасения не имеют оснований. Объективность потребностей не исключает воздействия на них субъекта. Однако ни влияние субъекта на потребность, ни осмысление их не определяют природу последних как объективно-субъективных явлений. ... Независимость от сознания не выступает здесь в качестве непрременной характеристики объективного, потому что все явления социальной жизни так или иначе связаны с сознанием. В этом плане не составляет исключение ни деятельность людей, ни потребности, на удовлетворение которых она направлена. Так что вряд ли имеет смысл называть категорию потребности объективно-субъективной, ибо это ничего не прибавляет к ее характеристике».²

Мы присоединяемся к пониманию потребностей как объективно существующих противоречий между социальным субъектом и условиями его жизнедеятельности. Субъект, с присутствием ему самосознанием, овладевший в той или иной мере миром культуры: орудиями предметно-практической деятельности, формами языка, нормами нравственных оценок, духовными ценностями, т. е. субъект как источник активности с той или иной социальной ориентацией, как продукт объективных условий, *постоянно* находится в отношении к ним.

Из сказанного следует, что взгляд на потребность как противоречие между социальным субъектом и условиями его жизнедеятельности нельзя назвать новым, он постепенно развивался в общественном сознании на общетеоретическом уровне, но так и не

¹ Там же.

² Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 80.

утвердился. Возможно, что последовательное, методологически отработанное развитие этой точки зрения может способствовать дальнейшему познанию сущности потребностей, более адекватному их эмпирическому исследованию и теоретической интерпретации. Не претендуя на полную реализацию познавательных возможностей, открывающихся при понимании потребности как противоречия, возьмем лишь некоторые, не привлекавшие пока внимания исследователей, ракурсы проблемы.

Взгляд на сущность потребности через противоречие предполагает признание тесного взаимодействия сторон: самого субъекта и объективных условий его жизнедеятельности. Отметим, что эти отношения противоречия чрезвычайно многообразны по форме и содержанию. Многообразие задается индивидуальностью субъекта, своеобразно воспринимающего вызовы окружающей его действительности. А. Маслоу, исследуя людей, которых он относит к самоактуализирующимся личностям, отмечает их способность в меньшей мере, чем свойственно обычным людям, подпадать под влияние культуры, традиций, а также их способность быть в гармонии с окружающим миром, не бояться, а приветствовать новое, неизвестное, и пр.

А. Маслоу пишет, что если сравнить самоактуализирующихся людей «с другими членами нашего общества, чрезмерно социализированными, роботизированными, этноцентричными, мы вынуждены признать, что если их мировоззрение и не позволяет нам счесть их создателями особой субкультуры, то все-таки мы имеем дело с особой группой «сравнительно неокультурных» индивидуумов, которые сумели не поддаться нивелирующему влиянию окружающей их культуры. ...Мы можем предположить, что расовые, этнические и национальные особенности не столь существенны для самоактуализированных людей, что самоактуализированный гражданин мира больше похож на своего столь же самоактуализированного друга иной расы, чем на менее развитого, менее здорового соотечественника. ...Здоровые люди, принимая внешние атрибуты культуры, остаются внутренне независимыми от нее. Очевидно, что такая независимость, отчужденность от культуры возможна только в том случае, если сама культура терпима по отношению к независимости, по отношению к личной свободе. ...Самоактуализированные люди спокойно и добродушно принимают культуру, в которой они живут, и ежедневно трудятся во имя ее совершенствования. Они не противопоставляют себя обществу и не пыта-

ются бороться с ним, они чувствуют себя частью этого общества и стараются сделать его лучше».¹

Социальный субъект и окружающая его действительность, взаимно предполагая друг друга, предстают как конкретное единство, целостность, характер и особенности функционирования которой определяются отношениями этих противоположностей. Противоречивый характер отношений обуславливается уровнем и темпом развития как социального субъекта, так и объективных условий его существования. Именно тенденции развития системы «социальный субъект — окружающая его действительность» определяют, какая из противоположностей, крайностей возьмет верх над другой, потому что «сколько бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности, — свойство быть крайностью кроется все же лишь в *сущности* одной из них, в другой же крайности не имеет значения *истинной действительности*. Одна из крайностей берет верх над другой. Положение обеих не одинаково».² Если условно обозначить «окружающую действительность» как страну, регион, и т. д., в которой человек живет, то сам человека предстанет как исходный элемент социальной системы, занимающий определенное место в иерархии элементов социальной системы, влияющий на неё и испытывающий влияние. А в том, что системные противоречия объективны — никто не сомневается. На социологическом уровне исследования потребность целесообразно представить как противоречие. Что мешает нам признать её объективным феноменом, в отличие от осознанного идеального образа этой потребности?

М. Л. Калужский пишет, что противоречия между уровнями (элементами, — Т. М.) социальной иерархии проявляются объективно. Он полагает, что в их основе «лежат объективные потребности, присущие различным уровням социальной структуры государства. Ни один социальный институт, как и ни один носитель социального интереса (индивидуум), не стремится к конкурентной борьбе или системной конфронтации ради того, что «сам процесс нравится». Его вынуждают адаптироваться объективные обстоятельства. ...Осознанное поведение в комфортных условиях не способно выступать в роли «двигателя» эволюции»³, так как в таком случае окружающая действитель-

¹ Маслоу А. Самоактуализированные люди — исследование психологического здоровья / Маслоу А. Мотивация и личность. С. 290, 157.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 322.

³ Калужский М. Л. Методологические основы анализа системных противоречий общественного развития: Монография. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2000. С. 67.

ность и сам социальный субъект взаимно «не предъявляют друг другу» никаких требований.

Для нас этот факт представляет особый интерес, так как он подводит к вопросу о том, какая из сторон противоречия выступает субъектом потребности в том или ином случае. На первый взгляд вопрос может показаться странным, ведь, говоря о потребности, мы всегда подразумеваем ее принадлежность субъекту, т. е. человеку, коллективу людей, социальной группе, классу или обществу в целом.

Действительно, потребности не бывает без субъекта, но не надо забывать, что в реальной жизни подлинным субъектом потребности может выступать не только сторона противоположности — социальный субъект того или иного уровня, но и другая — объективные условия существования, — реализующая в своем развитии субъектные качества с превращенными формами требований — потребностей к социальному субъекту. Какая же из сторон выступит субъектом потребности? Может быть, субъектом потребности» станет противоположность, имеющая значение «истинной деятельности», т. е. более мощная, преобразующая себя и свою противоположность соответственно тенденциям развития целостности?

Обратимся к наглядному примеру. Тенденция развития современного российского общества — реформирование социальных институтов, обеспечение достойной зарплаты всем работающим гражданам, искоренение бедности, повышение рождаемости, совершенствование здравоохранения и образовательной системы общества, и многое, многое другое. Однако видим, что не все намерения удается реализовать, что не всегда декларируемые векторы развития страны и отдельных сфер социальной жизни имеют статус «истинной действительности», способной мощью своего развития определять поведение социальных субъектов различной степени общности. Если, например, говорить о коррупции применительно к нашей теме, то, как выясняется, огромный легион коррупционеров у власти представляет со своей системой потребностей и ценностей «тормоз» для развития объективных условий, которые, возможно, деформируются под натиском их масштабных деяний, ухудшая качество жизни многообразных социальных групп российского населения.

Понимание потребности как противоречия, т. е. специфического отношения (а не состояния) между субъектом и объективными условиями его существования, выступающими в этом отношении как противоположности, обуславливает рассмотрение

взаимодействие этих сторон. Социальный субъект и объективные условия его существования — берутся не как обособленные, а в непосредственной зависимости от внутренних моментов развития целого — системы «социальный субъект — объективные условия его существования». Ученые справедливо отмечают: «Человек, являющийся субъектом социальной потребности, и сама социальная потребность вступают в определенные противоречия, которые представляют собой противоречия между внутренней и внешней сторонами социальной потребности».¹ Противоречие между названными противоположностями, являясь процессуальным отношением, непрерывно разрешается и воспроизводится, обеспечивая самодвижение, саморазвитие общества. Это противоречие не между разными сущностями, а внутри целого — социальной системы.

Между этими противоположностями идет постоянный активный обмен — веществом, энергией, информацией, — в процессе которого они находят все необходимое и достаточное для собственного развития. Взаимно предполагая друг друга, они могут быть охарактеризованы как диалектическое единство, тождество. В то же время реализация потребности ведет к изменению качественных характеристик социального субъекта и объективных условий его существования, человек пытается изменить мир сообразно своим потребностям, осуществляя в этом процессе развитие «мира» и самого себя. Более того, если не возникает противоречия между социальным субъектом и окружающей действительностью, нет осознаваемых диссонансов, которые социальный субъект пытался бы разрешить, то не будет и соответствующей потребности.

А. Маслоу, размышляя о депривациях, писал, что даже весьма значимые для человеческой жизни потребности и ценности могут не осознаваться человеком, не представлять для него личностную ценность. Такую ситуацию он считал патологичной. А. Маслоу пишет: «Если у человека всегда была пища, если он всегда был в безопасности, всегда любим, ценим и свободен, если человек никогда не испытывал недостатка во всем этом, то он игнорирует значимость этих ценностей, но мало того, он может считать их малозначительными, может презирать стремление других людей к ним, может пренебрежительно относиться даже к самим условиям, обеспечившим ему удовлетворение этих потребностей. Подобная неспособность дорожить ценны-

¹ Петров И. Ф., Петров Л. И. Социальные потребности как важнейшая характеристика общества // Вестник ИМСИТа 2013/3–4. С. 50.

ми дарами судьбы антиреалистична, и потому ее можно считать формой патологии. И лучшим средством лечения такой патологии может стать депривация, например, боль, голод, нищета, одиночество, отвержение, несправедливость и т. п.»¹

В этой связи представляет интерес мысль Гегеля, способствующая пониманию потребности человека как противоречия с внешним миром, порождаемого развитием как самого человека, так и окружающей его действительности. Гегель замечает, что сразу же после рождения человек «вступает в отношение к свету и воздуху, во все более развивающееся отношение к расчлененной предметности вообще»³⁴. Подчеркивая, что удовлетворение потребности есть разрешение противоречия, Гегель говорит о возникновении нового качества его сторон, фиксируя моменты тождества и отрицания субъекта и объекта. «Удовлетворение восстанавливает мир между субъектом и объектом, так как объективное, стоящее по ту сторону, пока продолжает существовать противоречие, снимается в этой его односторонности, благодаря его соединению с субъектом. — Те, которые так много говорят о прочности и непреодолимости конечного — как субъективного, так и объективного, имеют перед собой в каждом влечении обратный пример».² Считая труд, трудовую деятельность основой и сущностью «необходимо закономерного процесса роста и способов удовлетворения потребностей и безграничного роста последних»³, Гегель вплотную подошел к выводу о том, что субъект и объект подчинены определенному строю закономерностей, действующих через потребности, в процессе реализации и воспроизводства которых идет развитие как субъекта, так и объекта. Но надо заметить, что, понимая потребности и их удовлетворение как гармоничное развитие идеи, сводил бытие, материальное к мышлению.

Воспроизводство сторон потребностного взаимодействия не может и не должно быть непротиворечивым. Интересы одних социальных групп, независимо от степени их законопослушности, могут приобрести статус всеобщих интересов, или функционировать в качестве таковых на неформальном уровне, вступая в противоречие с реальными индивидами и группами. Потребностное взаимодействие социальных субъектов с действительностью носит противоречивый характер и обуславливается тенденциями

¹ Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. С. 67.

² Гегель. Наука логики. Соч. М., 1929. Т. 1. С. 314–315.

³ Гегель. Философия права. Соч., М., 1935. Т. 7. С. 222.

развития, как общими для системы «социальный субъект — действительность», так и специфическими для каждой из противоположностей. М. Л. Калужский, анализируя противоречия между элементами социальной системы пишет: «Там, где происходит процесс системообразования (привнесения особенного в уникальные характеристики целого) неизбежно наблюдаются отличия характеристик частного и целого. Важно, чтобы существующие противоречия не угрожали стабильности государственной системы».¹

В диалектическом противоречии «инициатором» его разрешения является сторона, имеющая значение «истинной действительности», т. е. наиболее полно воплощающая в себе реальные тенденции развития целостности. Получается, что мнение, сложившееся в общественном знании относительно того, что носителем потребности — это субъект, испытывающий дефицит в своем развитии, недостаток в чем-либо — нуждается в переосмыслении. Словосочетание «недостаток в чем-либо» встречается почти в каждом определении, даваемом потребностям. Каково его содержание и значение? На этом мы остановимся ниже, при анализе системы потребностей человека. Здесь отметим только, что многочисленные конкретно-социологические исследования показывают, что чем менее развит человек, чем примитивнее его знания об окружающем мире, тем ограниченнее потребность в их пополнении. Поэтому объективный недостаток знаний, умений, духовная неразвитость еще не означают наличия соответствующей потребности. Только исходя из реального состояния субъекта, особенностей детерминации его развития объективными условиями его существования, — можно выявить основу как возникновения тех или иных потребностей, так и возможности их реализации и воспроизводства. Социологическое исследование потребностей социальных субъектов различных уровней с необходимостью предполагает анализ как самих субъектов, так и другой стороны потребностного противоречия — объективных условий. Исходя из сказанного, мы предлагаем следующее понимание потребности, из которого будем исходить в данной работе: потребность есть противоречие между социальным субъектом (человеком, социальной группой, классом, обществом в целом) и объективными условиями его жизнедеятельности, которое осознается, разрешается и воспроизводится в процессе деятельностного субъектно-объектного взаимодействия.

¹ Калужский М. Л. Методологические основы анализа системных противоречий общественного развития: Монография. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2000. С. 67.

РАЗДЕЛ II

Общественное развитие и потребности

Виднейший представитель отечественной социально-философской мысли Заид Меликович Оруджев писал, что если время бытия человека подразделять по его доминирующим способностям, которые человек всегда имел и будет иметь, то мы получим три основных периода или стадии его темпорального бытия:

1. Стадия доминирования *массовых, однородных* способностей, совпадающая по времени в основном с доисторическим периодом бытия человека (оставившем после себя мало следов);

2. Стадия доминирования *групповых* способностей человека, совпадающая по времени с исторической стадией темпорального бытия человека;

3. Зарождающаяся стадия доминирования *индивидуальных*, (а точнее — «индивидуально-универсальных») способностей человека, «совпадающая по времени с будущей, «постисторической» стадией темпорального бытия человека (к счастью приведшая человека к состоянию «по ту сторону добра и зла», в котором, кажется, находились Адам и Ева до изгнания из рая)».¹

В данной схеме, полагает Оруджев, стержневым фактором является природа человека (с её способностями), «в соответствии с которой человек постоянно создает новый опыт (в том числе историю и все исторические эпохи)».²

С самого возникновения человеческого общества личность воплощает в превращенном виде в своих способностях и потребностях, устремлениях и ценностях особенности общественной системы, элементом которой она является. Рассматривать развитие социального субъекта и объективных условий его жизнедеятельности, специфику изменений того и другого

¹ Оруджев З. М. Природа человека и смысл истории / Предисловие В. А. Лекторского. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 21.

² Там же. С. 22.

невозможно без учета характера пройденных этапов, реального состояния и общей тенденции развития. Предлагаем краткое рассмотрение этих этапов в целях получения тех исходных положений, которые необходимы для исследования потребностей людей — наших современников.

В свете конкретно-исторического подхода возникновение, развертывание и функционирование потребностей во всех своих проявлениях понимается как обусловленное определенными общественными отношениями социальное явление. Представляется необходимым подчеркнуть важность этого принципа исследования для понимания взаимообусловленности потребностей и общественной деятельности, понимания фундаментального значения человеческих потребностей в общественно-историческом развитии. Естественно, что такой анализ возможен лишь при условии исследования их во взаимосвязи с общественным производством, которое в данном случае не берется как специальный объект изучения, а подразумевается как средство удовлетворения потребностей реального жизненного процесса. Потребности социальных субъектов не являются чем-то стабильным, данным от века, они — результат общественного развития. При исследовании потребностей личности надо иметь в виду, что этот социальный субъект наиболее полно и всесторонне включен в механизм действия социальных законов всех уровней.

В условиях первобытнообщинного строя неразвитость связей человека с внешним миром, соответствующая его личностной неразвитости, обусловила тот факт, что потребность поддержания жизни была практически единственной, подчиняющей себе весь образ жизни людей. Но это не значит, что общество на заре своего существования занималось производством только материальных благ, иными словами, только удовлетворением материальных потребностей. Ведь в акте воспроизводства даже материальных потребностей создаются новые культурные и субкультурные социальные факты — меняются языковые формы, модифицируется общение, закрепляются новые ценности, воспроизводятся потребности. Так, в примитивных обществах элементы социально-организаторской и духовной деятельности были имманентно вплетены в трудовой процесс, хотя, конечно, самостоятельными не были.

Зарождающийся запас знаний, необходимость общаться как с помощью жестов и речи, так и рисунков обусловили, на наш взгляд, с самого возникновения общества наличие в структуре личности

потребностей смешанного типа. Причем духовные потребности в первобытной общине, в роде, в племени очень быстро расширялись и требовали своего удовлетворения в исполнении функций разрешения споров, распределения работы между людьми, исполнение наказаний, надзор за орошением, религиозные функции и прочие, связанные с организацией повседневной жизни людей, объединенных вначале по кровнородственному принципу. Если обратиться к религиозным верованиям первобытных обществ, то при всей их странности для современного человека, они были выражением не только материальных, но и глубинных духовных потребностей, утверждающих значимые для индивидуальной и коллективной жизни ценности.

«Самые варварские или диковинные обряды, самые странные мифы выражают какую-то человеческую потребность, какой-то аспект жизни, либо индивидуальной, либо социальной. Причины, которыми обосновывает их сам верующий, возможно, а чаще всего и действительно, ошибочны. Но истинные причины тем не менее существуют...».¹

В первобытных обществах люди становятся субъектами развития, творцами таких духовных образований, как внегенетическая социальная система передачи информации, неклассовая демократия, самоуправление, которые будут конституироваться и развиваться вместе с социальной формой движения, модифицируясь в каждую историческую эпоху. Сказанное приводит к мысли, что материальные и духовные потребности человека, равно как его материальная и духовная деятельность, возникли одновременно и были взаимообусловлены.

Следует отметить, что проблема возникновения языка и сознания — одна из самых сложных проблем. Ученые отмечают, что до нашего времени не дошли никакие документальные свидетельства о средствах коммуникации в стадах, например, австролопитеков, питекантропов, неандертальцев. «Нет никаких прямых данных о формировании и первых этапах развития подлинно человеческого мышления. Практически вся информация, находящаяся в нашем распоряжении носит косвенный характер, и с её помощью мы можем получить лишь более или менее правдоподобную реконструкцию и должны постоянно помнить о её условности».²

¹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр.; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон, 1998. С. 176.

² Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. С. 141–142.

Тем не менее, несомненно, что с возникновением специфических человеческих форм жизнедеятельности производство общественной жизни и его осознание людьми развивалось в единстве противоречивых сторон процесса человеческой жизни. Материальные и духовные потребности развивались и воспроизводились по мере усложнения общественной жизни и форм общения. Возникнув вместе с человеком и обществом, материальные и духовные потребности неразделимы в человеческом сознании, они взаимообуславливают друг друга на протяжении всей человеческой истории. О первичности материального и вторичности духовного здесь можно говорить лишь в пределах основного вопроса философии. Мы полагаем, что не следует разделять непроходимой чертой особенности конституирования потребностей человека и животного. Усложняется только детерминация, которая содержательно всегда соответствует подготовке, интеллекту социального субъекта.

Мы не будем в качестве примеров о развитии потребностей у животных приводить широко известные исследования К. Лоренца. Обратимся к отечественным исследованиям первобытных обществ. В. П. Алексеев и А. И. Першиц, исследуя первобытные общества, отмечали, что если с философской точки зрения положение о единстве языка и мышления является очень важным, то для знания механизма этого процесса оно мало что дает.

Авторы упоминают кинетическую гипотезу происхождения языка известного советского ученого Николая Яковлевича Марра, который полагал, что язык жестов был речью первобытного человека и предшествовал звуковой речи. Они вспоминают эксперимент с шимпанзе, проведенный приблизительно в середине XX века, когда у шимпанзе устранили анатомические особенности, мешающие воспроизведению звуков и они оказались весьма способными учениками. В течение года–полтора они овладели 100–150 словами и «абсолютно адекватно употребляли их даже в неожиданных для себя, не предусмотренных экспериментом обстоятельствах. Любопытно, что овладение языком слов и жестов *перестроило поведение* (выделено нами, — Т. М.) антропoidов: при объединении их с «неговорящими» особями, они чувствовали свое отчуждение от них и тянулись к экспериментаторам — людям. И еще одно — матери обучали этому языку детенышей». ¹ А перестройка поведения может происходить только под влиянием перестройки системы потребностей субъекта.

¹ Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. С. 143.

В первобытном обществе темпы развития производства, общественного прогресса были очень медленными, возникающие потребности ограничивались бедностью общественно-практической деятельности людей и примитивностью средств познания. Труд в первобытной общине являлся непосредственно общественным, а абсолютная и непосредственная цели производства не были отдифференцированы.

В первобытнообщинном строе, основанном на примитивном равенстве и коллективизме, по-видимому еще не было дисгармонии между потребностями личности и общества. Она появляется на той ступени, когда расширяется пространство потребления и возникает неравный доступ к различным благам. Более того, сказать, что речь возникает под влиянием общественного производства и для обслуживания последнего, — явно недостаточно. Речь развивается для обеспечения развития мышления, и может оставаться неразвитой у многих людей даже в условиях научно-технического прогресса (например, как у известной героини Ильфа и Петрова — Элочки).

Развитие общества как социального организма, способом существования которого явилось общественное производство, на определенном этапе породило потребность распределения людей в производстве. Разделение труда, вызывая к жизни новые типы связей и отношений, новые зависимости, обмен деятельностью, обмен товарами, явилось закономерным проявлением развития общественных процессов, совокупного действия социологических законов, основные из которых — законы определяющей роли материального производства в жизни общества и взаимосвязи общественных потребностей и деятельности людей. Происходила так называемая «специализация» труда, деятельности определенных групп людей по удовлетворению определенных потребностей общества. В любую эпоху все отношения и взаимодействия социальных субъектов являются выражением и реализацией потребностей общества, а сами социальные субъекты выступают движущей силой развития общественной системы, определяют функционирование сфер социальной жизни, интегрируют их в целостность.

И в те далекие времена, и сегодня разделение труда подчиняет индивиды, классы какой-либо отрасли труда, дифференцирует условия жизнедеятельности людей, порождает с неизбежностью различие их потребностей, в том числе и как классовых.

Развитие общественного производства обусловило стремительное производство предметов потребления, которое форми-

руется под влиянием спроса — потребностей различных слоев населения, но в большей мере — формирует эти потребности, и соответственно — спрос. Ж. Бодрийяр пишет, что вещи «стремительно размножаются, потребностей становится все больше, процесс производства заставляет вещи рождаться и умирать все быстрее, в языке не хватает слов, чтобы их именовать». ¹ Объективная система производства и субъективная система потребностей взаимосвязаны. Ж. Бодрийяр, говоря о буржуазной легенде об «опережающем» развитии техники и «отставании» человеческой морали, пишет, что «никакой случайности здесь нет, и хотя очень большую роль действительно играет здесь систематическая эксплуатация, осуществляемая определенным строем производства (структурно связанным с определенным социальным строем) по отношению к целому обществу с помощью особой системы вещей, — в то же время система эта столь прочна и стабильна, что невозможно не заподозрить некую согласованность между коллективным строем производства и индивидуальным (пусть и бессознательным) строем потребностей; согласованность как тесные отношения негативного общности, как взаимообусловленность между дисфункциональностью социоэкономической системы и глубинным воздействием системы бессознательного». ²

Если в первобытном обществе потребности каждого человека детерминировались развивающимся, не дифференцированным имущественным неравенством обществом, то в условиях интенсивного развития производства потребности человека детерминируются уже непосредственно условиями жизни его социального слоя, местом, занимаемым в социально-статусной структуре общества.

Индивидуальные, личностные потребности, в своем социально-типическом измерении предстают как потребности определенного субкультурного слоя, вливаясь в состав совокупных общественных потребностей. Процесс удовлетворения потребностей, таким образом, является производством и воспроизводством жизни каждого члена общества и в то же время общества в целом в рамках сложившейся общественной системы.

Интересно, что расслоение в стратифицированном обществе идет наряду с демократизацией повседневной жизни. Мы, есте-

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с французского и сопроводительная статья С. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. С. 10.

² Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с французского и сопроводительная статья С. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. С. 141.

ственно, имеем в виду не политическое устройство обществ, а состязательную демократию в потреблении вещей, о которой пишет Ж. Бодрийяр и которую несет массовое производство предметов потребления. До эпохи массового развития производства и общества, объекты потребления как знаки были четко определены. «В кастовом или чиновном обществе не бывает моды, так как человек всецело закреплен за своим местом и межклассовые переходы отсутствуют. Знаки защищены запретом, обеспечивающим им полную ясность: каждый знак недвусмысленно отсылает к определенному социальному статусу». ¹ Но с развитием массового производства знаки одежды «перестают отсылать к определенному социальному статусу», знаменая «конец соблазна видимостей».

Ж. Бодрийяр писал, что «вызов, честь, соблазн — все это в аристократической культуре вызывало самую жгучую заинтересованность. Буржуазная Революция кладет этому конец (последующие революции покончили с этим бесповоротно — любая революция первым делом кладет конец соблазну видимостей). Буржуазная эпоха всецело предана природе и производству, а эти вещи весьма чужды или даже определено смертельны для соблазна. Поскольку же и сексуальность, как говорит Фуко, вырастает из процесса производства (дискурса, речи и желания), то ничего удивительного, что соблазн был еще больше оттеснен ею в тень. ...Но соблазн никогда не вписывается в природный или энергетический строй — он всегда относится к строю искусственности, строю знака и ритуала. Вот почему все крупнейшие системы производства и толкования неизменно исключали его из своего концептуального поля — к счастью для соблазна, поскольку именно извне, из этой глубокой заброшенности он продолжает их преследовать, угрожая низвергнуть». ²

Ученый из Германии Вальтер Беньямин связывал явление неподлинности мира с развивающейся тогда массовой культурой. Он пользовался иной терминологией. Он использовал понятие «репродукции» в том смысле, в каком позже его будут использовать К. Гирц, Ж. Бодрийяр и др. Беньямин пишет о том, что в массовом обществе у людей возникает непреодолимая потребность овладения тем или иным предметом непосредственно. Это ведет к тиражированию образов предметов, распространению отображений, репродукций. «При этом ре-

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000. С. 7.

² Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с французского Алексея Гараджи. Editions Galilee. Paris, 1979. М.: Ad Marginem. 2000. С. 24–25.

продукция в том виде, в каком ее можно встретить в иллюстрированном журнале или кинохронике, совершенно очевидно отличается от картины. Уникальность и постоянство спаяны в картине так же тесно, как мимолетность и повторимость в репродукции. Освобождение предмета от его оболочки, разрушение ауры — характерная черта восприятия, чей «вкус к однотипному в мире» усилился настолько, что оно с помощью репродукции выжимает эту однотипность даже из уникальных явлений. Так в области наглядного восприятия находит отражение то, что в области теории проявляется как усиливающееся значение статистики. Ориентация реальности на массы и масс на реальность — процесс, влияние которого и на мышление, и на восприятие безгранично».¹

Интересно, что Вальтер Беньямин не был оптимистичен в прогнозах относительно как будущего искусства, так и динамики духовной жизни вообще.

Исследуя особенности развития современных обществ, Ж. Бодрийяр обозначает трехчленную стадийную схему, куда включает и постмодерн. Схема включает:

- 1) докапиталистическое «первобытное» общество;
- 2) стадию «политической экономии», то есть буржуазно-капиталистическую цивилизацию в её социокультурном контексте, включающем марксизм как явление духовной жизни общества;
- 3) современную стадию, характеризующуюся трансформацией ценностей с вектором отхода от ценностей буржуазно-капиталистической цивилизации. Он обосновывает, что современная цивилизация является новой общественной организацией, основным признаком которой является универсальное распространение «симулякров».

Эта схема не является исторической конструкцией, она, скорее, философско-социологическая, дающая четкие ориентиры динамики западной цивилизации к её современному состоянию.

По мере развития форм массового производства углубляются и потребные противоречия, сторонами которого предстают «общество — социальная группа», «общество — личность», где общество, имея статус «истинной действительности», а значит, и реализуя названную потребность, то гармонизирует потребностное пространство социума, то все более противопоставляет потребности общества и членов общества. Это «противопо-

¹ Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 32.

ставление», закрепленное государством, становится самостоятельной силой, оторванной от интересов и потребностей одних социальных слоев и выражающий интересы других, создающий условия для реализации их потребностей.

Положение дел, при котором одни слои как можно больше производит и как можно меньше потребляет, а другие — наоборот, — становится привычным и закономерным источником негативизации потребностного пространства общества. Потребности всех членов общества детерминируются развивающимися потребностями общества, представляющими мощную социальную силу.

Удовлетворяя через производство свои потребности, деятельность людей обеспечивает дальнейшее функционирование социального организма, которое в рамках государства приобретает определенную упорядоченность, при господстве, как отмечено в вышеприведенной цитате, общего, государственного интереса над интересами социальных субъектов.

Это положение, базирующееся на материалистическом понимании общественного развития, справедливо по отношению ко всем стадиям социального процесса. Например, в годы застоя «социальной силой» оказалась гонка «вала» на основе экстенсивного развития общественного производства в тяжелой, легкой, пищевой промышленности. Развитие потребностей людей ограничивалось этой силой, «... потребитель оказался во власти производителя, вынужден пользоваться тем, что тот ему сообразовал отпустить».¹

Общество как система, обладающая относительной самостоятельностью развития, детерминирующая жизнедеятельность составляющих его элементов — людей, «становилась все более неуправляемым. Мы только думали, что управляем, а на самом деле складывалась ситуация, о которой предупреждал еще Ленин: машина едет не туда, как думают те, кто сидит у руля».² М. С. Горбачев, по-видимому, полагал, что общество будет «ехать туда, как говорят те, кто сидит у руля».

Однако, потребность, будучи отношением противоречия субъекта к социальной действительности, являясь их системообразующим источником развития, не может возникнуть только «из субъекта», без взаимодействия обеих сторон противоречия. Потребности социальных субъектов различных уровней, явля-

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 14.

² Там же. С. 19.

ясь относительно самостоятельными социальными образованиями, вместе с тем в своем развитии подчинены тенденциям развития (реальным, а не постулируемым) социальной системы.

Достаточно жестокую детерминацию возникновения и развития потребностей социальных субъектов особенностями развития общественной системы не следует понимать как фатальную предопределенность. Социальный субъект, будь то социальный слой, группа или личность, всегда является активной, полноправной стороной потребностного противоречия. Разрешая его в процессе жизнедеятельности, соответственно своим ценностям, интересам, классы или личность, детерминируемые различными сторонами общественной жизни, оптимизируют взаимосвязи с обществом, постоянно воспроизводя потребности иного уровня. Общественная система, тенденция развития которой подчинены социальные субъекты как ее части, как «различия внутри единства», не исключает, а, наоборот, предполагает их относительную самостоятельность, активность.

Эта «самостоятельность» имеет широкий спектр воплощений — от пассивной адаптации до активного преобразования самого себя и окружающей действительности. П. Сорокин, исследуя модификации и динамику потребностей людей в различных социокультурных условиях утверждал, что к познанию тенденций общественного развития «нужно идти только через анализ потребностей и связанных с их осуществлением противоречий».¹

Именно противоречия развития людей, осуществление ими базовой потребности в самореализации через различные виды деятельности порождают этот феномен — общественное производство с его разделением труда, отводящим каждому из социальных субъектов свои места в системе общественной жизнедеятельности, а в условиях антагонистических формаций — диаметрально противоположные.

Так, при феодальном устройстве общества две формы собственности: земля и собственнотрудовой обеспечили, с одной стороны, усиление и расширение поля возникновения и реализации потребностей людей ростом городов и появлением мелкого капитала, а с другой — усиление социальной дифференциации.

¹ Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова. — СПб.: Мир, 2012. С.

Продукты труда начинают играть в обществе двоякую роль, тем самым разделяя деятельность на две большие сферы: первая включила в себя материальное и духовное производство средств удовлетворения действительных потребностей общества, ко второй сфере относятся материальное и духовное производство новых, далеко не необходимых для жизнедеятельности человека, потребностей, способствующих не только освобождению человека, но и его порабощению. И если первая сфера представляет собой расширенное общественное воспроизводство жизни людей, то вторая сфера, являясь для социальной системы необходимой не только экономически, но и политически, с одной стороны, регулирует пропорции между производством и потребностями, с другой стороны, сохраняет и укрепляет позиции ведущих социальных групп.

Иными словами, общество, способом существования которого является общественное производство, в процессе жизнедеятельности всегда создает соответствующее себе (подчас насильственно) распределение и потребление, обеспечивая собственное саморазвитие.

Например, нормальное развитие капиталистического общества возможно лишь при постоянном воспроизводстве капитала. К. Маркс в третьем томе «Капитала», говоря о пределе капиталистического способа производства, отмечает, что уже не потребности конкретных людей определяют сокращение или расширение производства, а движение самого капитала, обладающего относительной самостоятельностью в своем развитии. Капиталистическое производство приостанавливается не тогда, когда этого требует процесс потребления социальными субъектами продуктов производства, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.¹ В кризисах как бы фокусируется противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения.

Казалось бы, при таком положении дел, потребности развития общества могут быть не только чужды, но и враждебны потребностям индивидов, относящихся в тем или иным социальным слоям. Но это не так. Просто становится очень слабым вектор детерминации потребностей по линии «человек — общество», тогда как детерминация по линии «общество — личность» прослеживается достаточно четко. Эта линия детерминации является определяющей, так как целое в своем развитии всегда детерминирует развитие своих компонентов.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд-е. Т. 25. Ч. II. С. 284.

Таким образом, относительная самостоятельность процесса совокупного удовлетворения потребностей людей фиксируется в тенденциях развития общественной системы. Эта относительная самостоятельность применительно к рассматриваемому нами вопросу становится возможной в связи со следующим. Понимая потребности как развитие противоречия социального субъекта к действительности, будет правомерно предположить, что для личности, класса, общества действие этих законов будет преломляться соответственно качественному состоянию, структурам того или иного субъекта, определяющим различную степень их зависимости от состояния социальной системы. Как известно, даже в годы тяжелейших кризисов страдают далеко не все социальные группы.

Потребности личности, их возникновение и реализация есть противоречивый процесс в отношении к тем или иным сторонам общественной системы, воспринимаемой человеком через совокупность социальных микросред. Развитие и удовлетворение потребности вызывает качественные изменения сторон противоречия. При этом изменения могут быть различного рода: для личности это изменения психологического, социально-психологического, социологического, экономического планов; для малых и больших социальных групп — звена большей степени общности — эти изменения будут социально-психологического, социологического, экономического порядка; для общественной же системы в целом изменения проявятся в сферах действия социологических и экономических тенденций.

Именно структурные, качественные характеристики социальных субъектов определяют степень их включения в систему общественных законов, наличие общего и особенного как в содержании самих потребностей различных социальных субъектов, так и в содержании реального процесса их удовлетворения.

Качественные характеристики социальных субъектов в различные эпохи требуют дальнейшего углубленного исследования своих проявлений, обусловленных уровнем интеллектуально-культурного развития людей, который, реализуясь в индивидуальной и групповой деятельности предопределяет развитие общества и государства. Когда-то в «Отечественных записках» эти вопросы если не исследовались, то ставились и обсуждались. Так, в одном из номеров 1860 года читаем относительно «страшной силы невежества», следующее:

««Не было примѣра, чтобы невѣжда, какъ бы ни были сильны его добрыя намѣренія и какъ бы ни была велика власть его, не сдѣлалъ болѣе зла, чѣмъ добра. Хотя бы намѣренія его были ревностны, власть обширна, зло можетъ быть огромно. ...Но если же онъ ничего не опасается, если онъ чуждъ себялюбія, если онъ имѣетъ въ виду только благо другихъ, если онъ съ энтузіазмомъ и съ безкорыстнымъ усердіемъ стремится къ этой цѣли въ широкихъ размѣрахъ, то вы ничѣмъ его не сдержите, вы не найдете никакого средства предотвратить то зло, которое въ невѣжественную эпоху можетъ сдѣлать невѣжда».¹ Но, какъ говорится, это — только рассуждение безъ должного теоретическаго и эмпирическаго обоснованія.

Вторая половина XX века дала социологии множество теорій, могущихъ стать методологическимъ обоснованіемъ выявленія не только внешнего проявленія потребностей, но и ихъ ценностнаго смысла, который различается у людей со сходнымъ потребителскимъ поведеніемъ. Так, ученые РАН в рамках проекта «Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределенія в социуме» изучали социально значимые процессы, возникающіе в результате взаимодействій между человеком и его социокультурной средой.

Позволимъ привести весьма обширную выдержку:

«Анализ анкет отразилъ огромную палитру произведеній, которые респонденты называли понравившимися или значимыми для своего мировиденія, а также любимыхъ в детствѣ сказок. При этомъ многие произведенія, входящія в учебныя программы, а также те, которые, какъ говорится, «на слуху» (например, «Война и мир», «Преступленіе и наказаніе», «Мастер и Маргарита» — или мультфильмъ «Ну, погоди!» — и др.), назывались множествомъ респондентовъ, хотя, какъ свидетельствуютъ интерпретаціи, степень пониманія интенциональности (смысловыхъ доминант) одного и того же произведенія у представителей разныхъ социоментальныхъ группъ сильно разнится.

Так, в отвѣтахъ на открытыя вопросы анкеты представители группъ с высокимъ уровнемъ развитія коммуникативныхъ навыковъ обнаруживали адекватное пониманіе интенциональности (смысловыхъ доминант) называемыхъ ими произведеній. При этомъ в интерпретаціяхъ нередко отражалось не только

¹ Отношеніе между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ [«Отечественныя записки»]. 1860, №5 май, Отд. I. С. 216–218 // Отечественныя записки. Журналъ для медленнаго чтенія. №2 (59) 2014.

адекватное понимание авторской интенциональности, но и личностное отношение респондентов к ней.

У группы со средним уровнем развития коммуникативных навыков интерпретирование происходит на уровне пересказа сюжета с использованием штампов и банальных сентенций. Хорошо запоминается содержательная информация, однако авторская интенциональность остается вне зоны внимания. Используются общие фразы или пафосные штампы: «о счастье»; «о любви»; «о событиях войны»; «добро побеждает зло» и т. д.

Интерпретации группы с низким уровнем развития коммуникативных навыков обнаруживают не только полное непонимание авторской интенциональности, но и нежелание (или неумение) ее понять; на первый план выходит намерение либо вообще не затрудняться и уйти от ответов, либо «показать себя», найти повод для эмоциональной разрядки по поводу личных проблем или жизненных стратегий. Для восприятия этой группы типичны коммуникативные сбои: «выхватывание» из контекста отдельных фактов и введение их в собственные домыслы и фантазии». ¹

Ученые констатируют известный факт: при относительно равных возможностях приобщения к социокультурным ценностям «набор» значимых для респондентов произведений может резко различаться даже в социально гомогенных группах. Группы с различным уровнем развития коммуникативных навыков интериоризируют различные ценности, реализуют различные, зачастую противостоящие по ценностному смыслу, модели поведения. А это значит, что в группе, члены которой имеют практически равные возможности приобщения к культурным ценностям, дифференцированы по отношению к социокультурной среде, по особенностям миропонимания, ценностям, потребностям.

Введение в социологию Н. Луманном генерализованной феноменологической трактовки смысла ² даёт исследователю методологическую основу для работы в русле вариационного ряда, позволяет представить системы ценностей, и соответственно, потребностей как смысловые системы, элементы которых связаны как мыслями (по типу психических систем), так и коммуникативными событиями, отраженными, осмысленными, познанными.

Система ценностей человека или отдельных групп населения не является в строгом смысле социальной системой. С этим надо

¹ Адамьянц Т. З. Заблудившиеся в социокультурной среде // Человек, 2014, №3. С. 35–37.

² См.: Luhmann, N. Die Wissenschaft der Gtsellshaft. Frankfurt/M. 1990.

считаться, но не подменять социологический анализ психологическим подходом. Осознанные потребности и ценности — психическая система, представляющая собой социальный факт — важнейшую составляющую социальной системы. Ценностное сознание, будучи психической системой, и при этом — социальной по отношению к социальной системе, определяет её существенные черты и признаки. Поэтому психическую систему ценностей можно и нужно исследовать как социальную систему, но с учетом её «психической» специфики. Психические системы, как и социальные системы, являются смысловыми системами, состоящими из таких оперативных единиц как *коммуникативные события*. Можно возразить, что в ценностных системах и в системах потребностей функционируют мысли, образы, пред-рассудки, вера и т. п. Но они возникают и развиваются как коммуникативные события, но несколько иного рода.

Представив систему ценностей и потребностей как смысловую систему коммуникативных событий, мы помещаем категорию «смысл» в центр взаимодействий различных ценностей, их сочетаемости и несочетаемости, устойчивости или стагнации, то есть, получаем *систему интеракций*, задающую ориентиры будущего — *специфические структуры ожидания*. Можно сказать, что при таком взгляде на реализацию потребностей и ценностей «ретроспектива, актуальность и будущность» взаимодействуют.

Неучёт интеракции смыслов и ожиданий приводит к тому, что такие ценности как «общение», «семья», «патриотизм», «работа», «законность», «достоинство», и другие имеют в значительной степени иной смысл, нежели 10, 20, 30 лет тому назад, а в нашей литературе, богатой конкретно-социологическими данными, они содержательно равны самим себе на протяжении десятилетий. Такой тождественности просто не может быть в сложной социокультурной среде современных обществ. Т. Адамьянц пишет, что «современная социокультурная среда представляет собой, фигурально выражаясь, огромный и беспрестанно меняющийся океан, «переплывать» который в рамках человеческой жизни невозможно: это зона свободы интересов, предпочтений, вкусов, личностного выбора и личностных решений. С другой стороны, личностный характер выбора здесь далеко не абсолютен: рекомендательные моменты, социальное давление играют большую, хотя и не всегда заметную роль».¹

¹ Адамьянц Т. З. Заблудившиеся в социокультурной среде // Человек. 2014. №3. С. 34.

Процесс совокупного удовлетворения потребностей людей, концентрируя в себе общее в содержании потребностей социальных субъектов различных уровней, предстает как относительно самостоятельное динамическое образование, реализующее в своем процессе действие социальных законов. Это относительно самостоятельное образование, существуя в виде общественного производства в его материальной и духовной ипостасях, с одной стороны, детерминирует развитие людей, а с другой — детерминируется потребностями их развития.

Эти две линии детерминации не рядоположены — они взаимодействуют при определяющем влиянии первой. Вся история общественного развития предстает как история самореализации человека, совершенствование и развитие человеческой сущности.

Когда мы говорим, что общество детерминирует потребности социального субъекта, мы имеем в виду совокупную социокультурную среду, конституируемую не только обществом как определенным государством, но и мировым сообществом, представляющим собой специфическую социальную целостность с развитым международным разделением труда в условиях глобализационных процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в пособии анализ природы потребностей, их возникновения и развития в процессе становления и развития человеческого общества позволяет сделать следующие выводы.

— являясь источником развития, потребности как отношения противоречия социального субъекта к действительности не могут возникать вне этой связи.

— возникая как относительно самостоятельные социальные образования, они подчинены в своем существовании тенденциям развития общественной системы и не могут развиваться и воспроизводиться самостоятельно;

— этапы развития разделения труда, являющиеся вместе с тем и различными формами собственности, представляют собой также и отдельные этапы в историческом развитии потребностей. Потребности развивающегося общественного производства в каждой общественно-экономической формации и на отдельных ее этапах различны и детерминируются исторически определенным уровнем развития общественного распределения труда.

— общественное распределение труда, общественных благ и общественного богатства определяет уровень и качество жизни различных слоев населения;

— общественное распределение труда, общественных благ и общественного богатства определяют в конечном счете и развитие потребностей социальных субъектов.

— потребности социальных субъектов находятся в постоянном противоречии с потребностями развития общественного производства, требуя все более совершенных материальных и духовных ценностей для своего удовлетворения. В то же время создание таких ценностей требует от социального субъекта постоянного его развития;

— на каждом историческом этапе, в процессе взаимодействия это противоречие преодолевается и одновременно вос-

производится вместе с предпосылками своего дальнейшего разрешения;

— оценка потребностей социального субъекта должна обязательно проводиться в соотнесенности с той системой потребностей, которая сформировалась в данный исторический период у социальной группы или общества в целом, обуславливающих развитие этих потребностей;

— вся история общественного развития представляет собой историю самореализации человека на основе разрешения и воспроизводства потребностных противоречий, являющихся источником развития как социального субъекта, так и окружающей его действительности.

Таким образом, формирование и развитие потребностей общества, класса, социальной группы, личности представляет собой объективный общественно-исторический процесс, реализующийся в деятельности.

Отметим, что для методологического обеспечения познания потребностей недостаточно выделенных здесь исходных принципов. Изучение объекта с точки зрения закономерного процесса его развития, характеризующего переход от одного временного состояния объекта, с его структурой и свойствами, к другому его состоянию, с другими структурой и свойствами, предполагает анализ качественного состояния исследуемого объекта в то или иное интересующее нас время.

ЛИТЕРАТУРА

.....

1. Luhmann, N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt / M. 1990.
2. Адамьянц Т. З. Заблудившиеся в социокультурной среде // Человек. 2014. №3.
3. Айзикович А. С. Потребности и интересы / Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981.
4. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990.
5. Алхазишвили А. А. Специфика человеческих потребностей и функциональная тенденция организма / Проблемы формирования социальных потребностей. Тбилиси, 1981;
6. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
7. Бережной Н. М. Человек и его потребности / Под ред. В. Д. Диденко. М.: Московский государственный университет сервиса, 2000.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000.
9. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с французского и сопроводительная статья С. Зенкина. М.: Рудомино, 2001.
10. Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с французского Алексея Гараджи. Editions Galilee. Paris, 1979. Москва: Ad Marginem. 2000.
11. Вьяккерев Ф. Ф. Предметное отношение и его теоретический «образ» // Диалектическое противоречие. М., 1979.
12. Гегель. Наука логики. Соч. М., 1929. Т. 1.
13. Гегель. Философия права. Соч., М., 1935. Т. 7.
14. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.
15. Гордон А. П. Потребности и интересы // Советская педагогика. 1936. №8–9.
16. Гордон А. П. Потребности и интересы // Советская педагогика, 1936, №8–9.
17. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. Л., 1988.
18. Демин М. В. Потребности как проблема философии // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1984. №2.
19. Донченко Е. А., Сохань Л. В., Тихонович В. А. Формирование разумных потребностей личности. Диалектика формирования. Киев, 1984.
20. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни./Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон, 1998.
21. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

22. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // <http://www.sociology.mephi.ru>.

23. Калужский М. Л. Методологические основы анализа системных противоречий общественного развития: Монография. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2000.

24. Кедров Б. М. Противоречивость познания и познание противоречия. М., 1979.

25. Кузьмин Е. С. Проблема потребностей в свете работ классиков марксизма-ленинизма // Ученые записки ЛГУ, 1959. Вып. 16. №265. Психология.

26. Марченко Т. А. Потребность как социальное явление. М.: Высшая школа, 1990.

27. Марченко Т. А., Мосиенко О. С., Переверзева О. В. Актуальные проблемы исследования потребностей: Сборник статей международной научно-практической конференции / Отв. редактор: Сукиасян А. А. Уфа: Аэтерна, 2015.

28. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999.

29. Михайлов Н. Н. Социализм и разумные потребности личности. М., 1982.

30. Мялкин А. В. Способности и потребности личности. Диалектика формирования. М., 1983.

31. Оруджев З. М. Природа человека и смысл истории / Предисловие В. А. Лекторского. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

32. Отношение между умственным и нравственным развитием [«Отечественные записки»]. 1860. №5, май. Отд. I. С. 216–218 // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. №2 (59) 2014.

33. Петров И. Ф., Петров Л. И. Социальные потребности как важнейшая характеристика общества // Вестник ИМСИТа 2013/3–4.

34. Петров Л. И., Петрова С. И. Становлении категории «потребность» // Вестник Крас ГАУ. 2012. №11.

35. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Сапова. СПб.: Мир, 2012.

36. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

37. Флиер А. Я., Костина А. В. Культура: между рабством обычая, рабством статуса и рабством потребления // Вестник МГУКИ. Май–июнь. №3 (29) 2009.

38. Чхартишвили Ш. Н. Роль и место социогенных потребностей в учебно-воспитательной деятельности // Некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потребностей. Тбилиси, 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
РАЗДЕЛ 1. К вопросу о природе потребностей: потребность как противоречие	6
РАЗДЕЛ 2. Общественное развитие и потребности.....	20
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	36
ЛИТЕРАТУРА.....	38

Учебно-методическое издание

Марченко Татьяна Александровна

ПРОБЛЕМА ПОТРЕБНОСТЕЙ В СОЦИОЛОГИИ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО КУРСУ «СОЦИОЛОГИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ»

Редактор — Д. В. Нефёдов
Верстка и дизайн — ООО «Профпресс»

ООО «Профпресс», 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. 13-я линия, 34, оф. 407,
тел. (863) 241-37-43, факс (863) 220-38-27, e-mail: profpress@aanet.ru.

Отпечатано в РИК ООО «Профпресс». Сдано в набор 07.08.2015.
Подписано в печать 12.08.2015. Формат 64x80/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура MurgidPro. Усл. печ. л. 2,5. Тираж 50 экз.

ISBN 978-5-905468-44-5

